

АНАТОМИЧКА

Наталья Волочаевская

12+

Наталья Волочаевская

Анатомичка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28957750

SelfPub; 2023

Аннотация

Питерский репортер, расследуя череду не связанных друг с другом смертей и массовых убийств в городе, обнаруживает загадочную легенду, связанную и с его личным происхождением.

Наталья Волочаевская

Анатомичка

Заячий остров, 1703 год

Мертвецов с Ниеншанца привезли на трёх телегах и свалили около дальней казармы, приспособленной под госпиталь и мертвецкую. Два фельдшера перетаскали тела внутрь и разложили на нарах, покрытых нечистой дерюгой, которую не успевали мыть от ежедневно прибывающих с болот строителей – и безнадёжно умирающих, и вовсе бездыханных.

Пётр повелел всех вскрывать, чтобы знать, кто от чего помер, и каждого записывать. Всех – в том числе и шведов, и для них завести отдельную книгу. Книг на столе старшего лекаря – засаленных, в пятнах крови и гноя – скопилось пять штук, четыре для своих и одна шведская. Поначалу резали аккуратно, все втроём, меняя ножи и ланцеты и аккуратно вписывая каждого по номерам и приметам в тесные строчки, с примечаниями: у кого лихорадка, у кого сердечный недуг или цинга. Больше помирали от болотной лихорадки, конечно. Бумаг почти ни у кого не было, а иноземцев отличали по платью да по отсутствию бороды. После потрошения всех учтённых скидывали в хлюпающую грязь глубокой братской могилы прямо посреди острова, присыпая добрыми слоями земли или дёрна, который в избытке поставляла стройка. Тем не менее стойкий запах мокрой мертвечины

не изничтожался даже суровыми балтийскими ветрами.

Пётр и сам порой заглядывал в прозекторскую, надевал фартук, доставал личный футляр с инструментами и ковырялся в каком-нибудь свежем трупe, предпочитая шведские. Бывал чаще разочарован, наскоро пролистывал последние записи и, не проронив ни слова, уходил.

Шведов свозили с разных мест, редко и помалу, и только сегодня весь обоз с Канецкой слободы был полон старожилов Ниеншанца – большей частью покойники были сильно подпорченные, а иные и вовсе истлевшие, со следами налипшей на телах земли. Старший лекарь Пармен Симеонович вопросов никогда вслух не задавал, а его помощники и по-давно. То ли слишком умный был, то ли нелюбопытный, то ли мертвецы сами на все вопросы исчерпывающе отвечали.

Тел было более двух дюжин, а управиться хотелось дотемна, поэтому Пармен Симеонович распределил кадавров поровну на каждого, и решительно принялся кромсать первого, едва отделив остатки мундира от тела и ими же смахнув грязь с синюшной груди. Однако ж, как только он сделал первый надрез, покойник словно вздохнул – выпиравшие рёбра приподнялись, легко расползлась над ними кожа, из лёгких вырвался короткий всхлип и пахнуло тиной. Такие запахи на здешних болотах не редкость, но вместе с запахом едкой струйкой выпалил из надреза тёмно-зелёный дымок – как бывает, если на волчий табак наступить. Пармен закашлялся, разметая пыль по сторонам, и отвернулся – чтобы на

мгновение увидеть, что и помощники его вовсю надрыгают кашлем, окутанные неведомой взвесью. А спустя то мгновение слабость и тьма поглотили его.

Санкт-Петербург, 2015 год

Репортёр Останин

«Полиция считает, что перестрелки на Кронверкском, Гореховой и Белинского не связаны друг с другом.» Как же, не связаны. Связаны, как молекулы ДНК, идеальной цепочкой стройных фактов. Только Лёне строго-настрого было «рекомендовано» придерживаться официальной версии. Он сидел на широком редакционном подоконнике, примостив ноутбук на поджатых коленях, и попеременно смотрел то на расплывающуюся плоть мертвенно-сизых облаков над кособокой кольчугой василеостровских крыш, то на распечатки пресс-релизов МВД – истеричных, трусливых и ежедневно разных, то на пульсирующий курсор в конце единственной пока строки для вечерних криминальных новостей. Кольчугу крыш прорезали красным глубокие раны уличных линий с односторонним движением.

Лёня любил свою работу не только за странное удовлетворение от погружения в криминальную хронику, хотя странным его называла только жена Люся, но и за офис в мансардном этаже на одной из линий Васильевского острова. Хотя и тут было своё «хотя»: он почти весь день таскался с какой-нибудь опергруппой на захваты или облавы, а на облюбованный подоконник забирался уже под вечер, измотанный

впечатлениями и предвкушением битвы между увиденным вживую и прочитанным в файлах пресс-службы МВД. Битва всегда заканчивалась компромиссом, потому что у Лёни была семья, а для донкихотства требуется одиночество. Поэтому Лёня довольствовался дневными подвигами, а уж как о них написать – всё одно нет правды на земле, тем более там, где встречаются журналистика и пиар.

Вот и сейчас эта история со Стрелками, которую по официальной версии следует считать тремя разными историями. В публичное место заходит человек с оружием, молча и методично расстреливает людей и, убедившись, что мертвы все, кто там находился, стреляет себе в голову. За три недели, с равными промежутками, это уже третий случай, количество жертв – под сотню. В городе чрезвычайное положение, в патрули собрали всех, даже кадетов. Губернатор заседает с Президентом, прибывшим после первой стрельбы.

Если бы Стрелок был один, был бы маньяк и серия. Под теракт тоже, как ни старайся, не подвести: все стрелки славянского происхождения, друг с другом не связаны, в экстремистских эскападах не замечены, скорее наоборот – законопослушные отцы семейств, интеллигенция и аристократы в десятом колене. Оружие разное, отслеживается легко, куплено где попало – профессионалы так не работают. Профайлеры из ФСБ сломали небось головы, потому что, по словам надёжного ленинского источника, склоняются – не смешите меня – к версии эпидемии.

Но у Лёни есть своя версия. Вернее, зацепка. Используя связи в органах, чтобы попасть на квартиры к первым двум Стрелкам, он покопался в личных вещах и всего лишь сложил два и два, которые просто бросались в глаза. Когда же он вскрыл опечатанный лофт третьего стрелявшего, он уже знал, что искать, и – пожалуйста – вот она, на своём привычном для квартир питерских интеллигентов месте. Связь между этими тремя есть, но как её истолковать?

Писатель Сибарский

Костя Сибарский, без пяти минут молодец и ого-го, сидел на пляже Петропавловки, бесцеремонно застуживая простату, и дописывал последнюю главу «Убийства в преисподней». От воды тянуло болотом, песок неумолимо пропитывал джинсы влагой. Ничего, простата сдюжит, а вот так писать, как на Заячьем острове, у него не получалось больше нигде. Как будто колодезь личного костиного вдохновения был погребён под куртинами первого столичного форта. Впрочем, всё могло объясняться и более физиологически: подземной музой Сибарскому служили истлевшие здесь за триста с лишним лет кости его предков, сгинувших вместе с сотнями других строителей в братской могиле, над которой теперь гигантским надгробием стоит Петропавловка.

Косте давно было уже за сорок, как и количеству его книг, но только последнюю он – совершенно случайно – начал писать, заглядевшись на невскую рябь под стенами, промаринированными сотнями наводнений. Достал блокнот и не заме-

тил, как искромсал красными гелевыми строчками почти половину. На следующий день пришёл с ноутбуком и безудержно шлёпал по клавишам, пока хватило зарядки. Стремительно пронёсся месяц. Костя поставил последнюю точку и, не перечитывая, разослал по знакомым адресам, ожидая увидеть стандартную отписку. Но реакция издательства была такой же удивительной и новой, как и его нынешний механизм письма – не прошло и недели, как ему ответили письмом с прикреплённым авторским договором.

Костя писал в разных местах крепости – то у шемякинского Петра под присмотром бронзовых глазниц скорбно малой головы, то раскладывал брезентовое кресло и усаживался прямо на мощеной площади у собора – иногда вместе со студентами из Мухи, которые прилежно плодили главный открыточный силуэт во всех ракурсах. Но лучше всего у него получалось именно на песке пляжа, на изгибе острова, откуда налево раскидывался недужно зеленого цвета Эрмитаж, а справа, на стрелке – охряные колонны комично разводили перед ним рострами, точно короткими ручонками.

Он действительно управился за пять минут, сохранился, захлопнул ноут и под торжествующее «ого-го» вскочил с прохладного сентябрьского песка.

Костя хотел тут же позвонить издателю и обрадовать того – ведь он закончил даже раньше срока, и если предыдущая книга разошлась моментально, то у следующей можно и тираж увеличить. До Донцовой далеко, конечно, но всё же.

Однако Костя решил по традиции сначала обмыть рукопись в баре – вскрыть тот нарыв на душе, который всегда назревал вместе с новой идеей романа, но почему-то никогда не рассасывался с последней точкой готового текста. Он даже коктейль собственный изобрёл – «Грязный скальпель»: любой алкоголь выше сорока градусов, шоколадное молоко и перец чили вприкуску. Он же творческая натура в конце концов, и значит, каждый новый вариант должен быть открытием! И вскрытием, само собой. «Вскрытие» часто заканчивалось – слава богу, не в морге – в отделении, поэтому ноут с драгоценным файлом Костя сначала занёс домой, на Ординарную, жмуясь по дороге на закатное солнце и попинывая редкие разноцветные кляксы листвы на людном Каменноостровском.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.